

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

*Издательство АЛЬФА-КНИГА
Москва, 2013*

УДК 82(1-87)
ББК 84.(4Ита.)
Д17

Перевод с итальянского
Ольги Чюминой

Данте А.
Д17 Божественная комедия. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013.— 474 с.: ил.— (Собрание мировой классики).

ISBN 978-5-9922-1440-6

Данте Алигьери (1265—1321) — величайший поэт, философ, политик, основоположник литературного итальянского языка, символ Италии. Данте вошел в мировую литературу как автор монументального эпического труда, бессмертного памятника культуры XIV века — «Божественной комедии».

В настоящем издании «Божественная комедия» публикуется в классическом переводе известной русской поэтессы и переводчицы Ольги Николаевны Чюминой (1858—1909). Этот перевод был высоко оценен современниками, и за него Ольге Чюминой была присуждена Пушкинская премия Академии наук.

УДК 82(1-87)
ББК 84.(4Ита.)

ISBN 978-5-9922-1440-6

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

АД

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Данте, попав в дремучий лес (человеческая жизнь с ее страстями), заблудился в нем и внезапно заснул. Пробудившись, он видит себя у подножия холма, вершина которого освещена восходящим солнцем. Он решает продолжить свой путь, желая взойти на холм (что означает стремление к добродетели), но ему преграждают дорогу последовательно три чудовища: пятнистая пантера (чувственность), громадный лев (гордость) и волчица (алчность). Устрашенный этими чудовищами, Данте стал уже терять надежду на достижение своей цели, но на помощь ему является тень Вергилия (олицетворение поэзии). Этот римский поэт обращается к Данте со словами утешения и обещает ему провести его через все опасности, советуя при этом пройти вместе с ним через Ад и Чистилище и таким путем достигнуть порога высшего царства — Рая, где он, Вергилий, как язычник, должен будет расстаться с Данте, передав его более достойному проводнику, а именно Беатриче, в которой Данте олицетворяет богословие. Данте соглашается принять предложение Вергилия и вместе с ним начинает свое путешествие в Ад.

На полпути¹ земного бытия,
Утратив след, вступил я в лес дремучий².
Он высился, столь грозный и могучий,
Что описать его не в силах я

И при одном о нем воспоминанье
Я чувствую душою содроганье.
Ужаснее лишь смерть бывает нам;
Но, ради благ, найденных мною там, —
Скажу про все, увиденное мною.
Не знаю сам, как сбивчивой тропею
Я в этот лес таинственный вступил:
Глубоким сном я вдруг охвачен был.

Когда же я приблизился к холму,
Служившему границей той долине,
Где я блуждал в тревоге и кручине, —
Увидел я, как, разгоняя тьму,
Луч солнечный забрезжил на вершине,
И легче стало сердцу моему.
Утихнул страх, взволнованное море
Души моей смущавший в эту ночь,
Которую провел я в тяжком горе.
И, как пловец, успевший превозмочь
Опасности, еще глядит на волны
И на берег выходит, страхом полный, —
Так, трепеща, туда я кинул взгляд,
Откуда нет живущему возврата
И ни один не приходил назад.
Почувствовав, что плоть моя объята
Усталостью, решил я отдохнуть
И, подкрепясь, опять пустился в путь.
Я шел вперед гористою дорогой
И встретился на самой крутизне
С пятнистою пантерой³ быстроногой;
Преградою в пути являясь мне,
Ужасный зверь на месте оставался,
И сам бежать я тщетно порывался.

Был ранний час, и вот, окружено
Созвездьями, светило дня всходило,
Как в первый день, когда зажглось оно
Божественной любви святою силой.
Отрадою дышало все кругом,
И сам я ждал победы над врагом,
Но снова был тревогой роковою
Охвачен я: с поднятой головою
Свирепый лев⁴ моим очам предстал.

Он шел ко мне настойчиво и властно,
И голодом казался так ужасно
Терзаем он, что воздух трепетал.
Вослед ему шла тощая волчица⁵,
Чьей алчности неведома граница:
Томит людей желаньями она.
И вновь душа, отчаяньем полна,
Смутилася, и, повинувась взору
Чудовища, не смел идти я в гору.
И, наподобье жалкого скупца,
Когда, лишась навеки обладанья
Сокровищем, не в силах он рыданья
Сдержать в груди, — я плакал без конца
И отступал пред нею к той долине,
Где гаснет свет. И там, в немой пустыне,
Я смертного увидел пред собой.
От долгого молчания безгласен
Казался он, и молвил я с мольбой:
«Призыв к тебе да будет не напрасен!
Кто б ни был ты: бесплотный светлый дух
Иль человек — склони к моленью слух,
Спаси меня в моей ужасной доле!»
И молвил он: «Уж я не смертный боле,
Но смертным был при Юлии рожден⁶.
Я жил во тьме языческих времен,
При Августе, и вместе с целым Римом
Благоговел пред божеством я мнимым.
Там, на земле, я также был поэт,
И в песнях мной Анхизов сын⁷ воспет,
Бежавший прочь от Трои горделивой.
Но отчего обратно в эту тьму
Стремишься ты — не к светлому холму,
Не к высоте безгрешной и счастливой?»
И молвил я, склонив пред ним чело:
«Ужели ты — Вергилий несравненный,
Поэзии источник вдохновенный,
Струющийся обильно и светло?
Хвала тебе! И славою, и светом
Являешься ты всем другим поэтам.
Наставник мой, которого прилежно
Я изучал, заступником моим
Явись в беде, грозящей неизбежно!

Тобою был в труде руководим,
По милости твоей, себе хваленья
Снискал и я в искусстве песнопенья.
Молю тебя, от зверя защити!
Идти вперед я более не в силах,
Смутился дух, и кровь мятется в жилах».

Ответил он: «Ищи себе пути
Иного ты, чтоб выйти из пустыни.
Чудовище губило всех доньше,
И жертв его — несметное число.
Но алчности насытить не могло
Оно ничем: для жадности волчицы
Пределов нет, не может быть границы.
Со многими в союз войдет она,
Но будет Псом⁸ затем умерщвлена.
Алкающий не злата и земель,
Поставит он себе иную цель,
Почтив любовь, премудрость, добродетель.
От Фельтро и до Фельтро⁹ — та страна,
Где он со дня рождения — владетель.
Италия им будет спасена,
Та, для кого Камиллы непорочной
Струилась кровь и смертью в час урочный
Погибли Турн и с Низом — Эвриал¹⁰
Могучий Пес для мщенья восстал.
Травя ее от града и до града,
Загонит он волчицу в бездну Ада,
Откуда зависть вызвала на свет
Чудовище. Последуй же, поэт,
За мною ты, я — твой путеводитель,
И вечности увидишь ты обитель;
Услышишь в той ужасной стороне
Стон грешных душ, мятущихся в огне,
Вторую смерть¹¹ в отчаянье зовущих.
Увидишь ты и облегченья ждущих:
Со временем избавятся оне
И воспарят к обители блаженства.
Но, если ты захочешь вознестись
В тот светлый мир, в сияющую высь —
Есть существо¹², пределов совершенства
Достигшее, которому я сам
Тебя у врат небесных передам.

Воспитанный в преданьях ложной веры,
Я в райские не проникаю сферы
И не могу к Господню алтарю
Тебя привести. Небесному Царю
Подвластно все, но там — Его чертоги,
Престол Его. Блаженны те стократ,
Кто в этот край не утерял дороги!»
И молвил я, волнением объят:
«О, заклинаю памятью о Боге,
Которому ты не служил, поэт,
Веди меня от этих зол и бед
В печальный край, описанный тобою,
И грешных скорбь да вижу пред собою, —
Оттуда же — к вратам Петра святым!»
И он пошел, и я — вослед за ним.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

С наступлением вечера Данте и Вергилий начинают свой путь, но при этом у Данте рождается сомнение в том, достаточно ли у него душевных сил, чтобы совершить предпринятый опасный путь. Вергилий рассеивает его страх, объясняя причину своей встречи с Данте. Он говорит, что судьба Данте находится под защитой Непорочной Девы, которая поручила его душу святой Лючии, в свою очередь, передавшей ее защите Беатриче. Последняя обратилась к Вергилию с мольбой защитить погибавшего Данте, и он, Вергилий, охотно принял это на себя. Данте ободряется от слов Вергилия, восхваляет Беатриче и смело отправляется в путь.

Склонился день к закату. Отдохнуть
Готовились все существа живые,
Лишь я один сбирался в трудный путь.
Опасности и скорби роковые,
Которые я испытал не раз, —
Да передаст правдивый мой рассказ.
О, гений мой, святое вдохновенье,
Взываю к вам из глубины души;
О, память, все, что знаешь, опиши!

Я начал так: «Поэт-путеводитель,
Пред тем как мы в подземную обитель
Сойдем с тобой, нам следует решить,
Под силу ли мне подвиг совершить?»

Ты говорил, что Сильвия родитель,
Герой Эней¹, живым спускался в Ад
И невредим вернулся он назад?
Но жизнь его была Творцом хранима,
И смертного избегнул он одра,
Чтоб сделаться отцом великим Рима,
Где царствуют преемники Петра.
И в странствии, прославленном тобою,
Он с папскою тиарой золотою
Обрел еще победу над врагом.
Позднее же с великим торжеством
Свершил тот путь и сам Сосуд Избранья²,
Дабы извлечь и утвердить прочней
Учения Христова основанья.
Но как дерзну явиться в мир теней?
И кто мне даст на это дозволенье?
Не Павел я апостол, не Эней.
Меня во всем мудрее ты, сильней;
Ты разреши мое недоуменье!»

И так в уме я изменял решенье,
Которое созрело у меня.

И молвил дух: «Не так ли, день от дня,
Мы подвигов, из трусости и лени,
Стараемся, где можно, избежать?
Не так ли зверь своей страшится тени?
Но ужас твой я властен разогнать.
Узнай же ты: меж призраков толпою
Покуда ждал с другими над собою
Последнего решения суда —
Предстал я там пред женщиной прекрасной.
Глаза ее сияли, как звезда,
И молвила, как ангел сладкогласный,
Мне вестница³ прекрасная в ответ,
Когда спросил, какие повеленья
Мне даст она: «О Мантуи поэт,
Чьей славою исполнен целый свет
И для кого не может быть забвенья,
Спаси того, кто, убоясь преград,
В пустыне ждет, охваченный испугом,
И в ужасе готов бежать назад.

Он был моим, но не Фортуны другом.
Мне ведомо, что сбился он с пути.
Не поздно ли теперь его спасти?
Иди к нему и силой дивной речи
Остереги! С тобой искала встречи,
И привела сюда меня любовь.
Мне имя Беатриче, и к престолу
Господнему, Всевышнего глаголу
Покорная, я возвращаюсь вновь.
Там за тебя предстану я с мольбою!»

И молвил я: «Святая благодать!
Наш род земной возвысился тобою
Над всем, чему дано существовать.
Не повторяй усердного моления —
Я с радостью исполню повеленье!
Скажи одно лишь: с горней высоты,
Из области надзвездного эфира,
Когда сюда, в пучину, сходишь ты,
Которая есть средоточье мира, —
Ужель тебе пучина не страшна?»
И кратко мне ответила она:
«Лишь одного всегда страшиться надо —
Вредить другим. Я так сотворена,
Что без вреда парю над бездной Ада.
Я не боюсь кромешного огня,
И скорбь земли не тяготит меня.

Заступница⁴ есть в горних небесах,
И, путника увидевши в слезах,
К которому ты послан для совета,
Она смягчила грозный приговор,
И Лючии⁵, носительнице света,
Готовой злу всегдашний дать отпор,
Так молвила: «Во имя милосердья
Иди к тому, кто, потерявши путь,
Взывает к нам. Ты — враг жестокосердья —
Защитницей ему надежной будь!»
И Лючия с своим небесным взглядом
Сказала мне, с Рахилью⁶ бывшей рядом:
«О Беатриче, Господу псалом!
Спаси того, кто борется со злом.

Любя тебя, житейским жалким стадом
Он пренебрег. Под бременем тоски
Он борется со смертью у реки⁷,
Которая страшнее океана».

О, кто бы мог от бедствий и обмана
Бежать быстрее иль устремиться вслед
Давно уже намеченной добыче —
Как, услышав такую речь, поэт,
К тебе сюда спешила Беатриче!
Мудрей тебя и совершенней — нет:
В тебе ищу для странника опоры».

Так, возведя сияющие взоры
Свои ко мне, вещала мне жена
Прекрасная, твою судьбу доверя.
Я поспешил и спас тебя от зверя,
Опасность мной теперь устранена,
И можешь ты взойти на холм спокойно.
К чему же ты питаешь недостойно
В душе своей сомнения и страх?
Три светлые жены⁸ на небесах
За жизнь твою возносят там моления».

Так говорил Вергилий. Как цветы,
Поникшие в ночи от дуновенья
Холодного, но в блеске красоты
Ожившие при солнечном сиянье,
Так и во мне воскресли упования,
И молвил я: «Благословенна ты,
Явившая святое состраданье!
И ты, поэт, как много доброты
В душе твоей, и как великодушно
Ты внял ее велениям послушно!
Тяжелый путь отважно предпринять —
Ты мужество внушаешь мне опять.
Мой славный вождь, наставник, повелитель!
Отныне воля нас одна ведет.
Ты будешь мне во всем руководитель».

Так я сказал, и он пошел вперед,
А вслед ему лесистою тропею
Пошел и я уверенной стопею.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Данте и Вергилий приходят к воротам Ада и видят на них зловещую надпись: «Оставьте здесь надежду навсегда». Страх овладевает Данте, но, ободренный своим спутником, он спускается в бездну Ада. Навстречу ему во мраке несутся плач, вой, крики и вздохи, и он начинает плакать. Вергилий объясняет ему, что место, куда они вошли, является преддверием Ада и в нем томятся в вечном мраке души трусов и вообще людей ничтожных, а также ангелы, которые во время борьбы дьявола с Господом не соблюли верности Творцу и вместе с тем не присоединились к полчищам Его врага. Оба поэта подходят затем к адской реке Ахерон, через нее в своей ладье перевозит души грешников старик Харон. Он отказывается принять Данте и Вергилия в ладью, несмотря на слова Вергилия, говорящего, что Данте нисходит в Ад по повелению свыше, и, согнав в свой челн души грешников, сыплющиеся в него как листья, сорванные осенней бурей, отплывает. Подымается ужасный грохот, вихрь, блистает молния, и Данте падает в беспамятстве.

За мною путь к обители печальной,
За мною те, кто мукам осужден,
За мною край, где вечный плач и стон.
Созданье я любви первоначальной
И правосудной мудрости Творца,
И в вечности пробуду без конца
Я, как и все, что в мире безначально.
Кто б ни были входящие сюда,
Оставьте здесь надежду навсегда!»¹ —
Написаны над адскими воротами
Зловещими и черными чертами
Виднелися те грозные слова.
И молвил я: «Значенье их ужасно!»
Но отвечал мой спутник и глава:
«Откинь боязнь и не страшись напрасно!
Приблизимся! За этою чертой —
Обитель душ, сознания лишенных
И вечному безумью обреченных».

И, руку мне подавши с добротой,
Он ввел меня во тьму глубокой бездны,
Где небосвод, зловещий и беззвездный,
Был воплями и криком оглашен.

Заплакал я, печалью поражен.
Рыдания, исполненные муки
И ярости, речей безумных звуки
И всплески рук, тяжелый топот ног —
Сливалось все, крутилось, как песок,
Вздымаемый порывом вихря диким.

Охваченный смятением великим,
Воскликнул я: «Скажи, учитель мой,
Но кто же те, чьи вижу я страданья?»
Ответил он: «Влачат существованье
Такое те, кто, живши на земле,
Был порицанью чужд и похвале.
Печальный род! Союзников ничтожных
Нашли они меж ангелов безбожных,
Которые, Творцу не изменив,
Но, верности в душе не сохранив,
Лишь о себе имели попеченье.
Не приняли к себе их небеса,
Дабы небес чистейшая краса
Не омрачилась тенью преступления,
И самый Ад отвергнул их в презренье».
Но я сказал: «Учитель, тяжкий стон
Несется к нам сюда со всех сторон.
Исторгнут он мученьями какими?»
«Все объясню, — на это молвил он. —
Утрачена бесповоротно ими
Надежда смерть вторичную найти,
И худшее им легче бы снести.
Их след исчез подобно волнам дыма,
Отвергнуты они неумолимо
И милостью Господней, и судом,
Караемы презреньем и стыдом.
Взгляни на них и позабудь их! Мимо!»

Вдруг знамя² я увидел пред собой,
Что в воздухе несло неудержимо,
И сонм людей за ним неумолимо
Бежал вослед несметною толпой.
Дивился я, что сенью гробовой
Поглощено живых людей так много.
Среди людей, бежавших той дорогой,
Немедленно я одного признал:

Из трусости высоким отреченьем³
Себя навек, преступный, запятнал.
В тех призраках, охваченных смятеньем,
Несчастный род узнать я сразу мог,
Которым Ад гнушается и Бог.
Язвимые слепней и мух роями,
Внушали страх нагие их тела;
По лицам их струилась кровь ручьями
И, с жгучими смешавшись слезами,
Немедля пожираема была
Кишащими у самых ног червями.

И тут же я заметил вдалеке,
Насколько мог при слабом видеть свете, —
Толпу людей, теснившихся к реке.
И молвил я: «Но кто же люди эти?
Зачем спешат к отплытию они?
Прошу тебя, наставник, объясни!»
— «Узнаешь это, — было мне ответом, —
Когда со мной минуешь Ахерон»⁴.

И к берегу крутому за поэтом
Я двинулся, безмолвен и смущен.
Там по реке, бежавшей без журчанья,
Навстречу плыл в ладье своей старик⁵,
И молвил он, безжалостен и дик:
«О, горе вам, погибшие созданья!
Не думайте увидеть дня сиянье:
В моем краю царит повсюду ночь
И жгучий зной сменяет холод лютый.
А ты, живой, беги от мертвых прочь,
Меж призраков не медли ни минуты! —
И, увидав, что молча я стою,
Прибавил он: — Ищи себе ладью
Иную ты, чтоб волны Ахерона
В ней переплыть!» Но грозный гнев Харона
Сумел смягчить мой мудрый проводник.
Промолвил он: «Не прекословь, старик!
Есть высшее на это повеленье,
Ему повиноваться ты привык».

И, укротив свирепое волнение,
Седой Харон смирился в тот же миг;

В очах его, орбитой окруженных
Багровою, угас безумный гнев.
Но сонмы душ, нагих и истомленных,
Услышали ответ. Освирепев
И яростно заскрежетав зубами,
Презренные осыпали хулами
Всевышнего Творца и бытие,
Родителей своих, места и время
Рожденья их, от семени их семя,
И с миром всем — рождение свое.
Затем они столпились со стоном
На берегу, которого нельзя
Избегнуть тем, кем правая стезя
Покинута. И, демоном Хароном
Сгоняемы при помощи весла,
Они в ладью, как листья без числа,
Развеянные бурею, валились.
Как соколы, что в небесах кружились,
Покуда их не отозвал назад
Призывный клич, — так поспешало в Ад,
За тенью тень Адама поколенья.

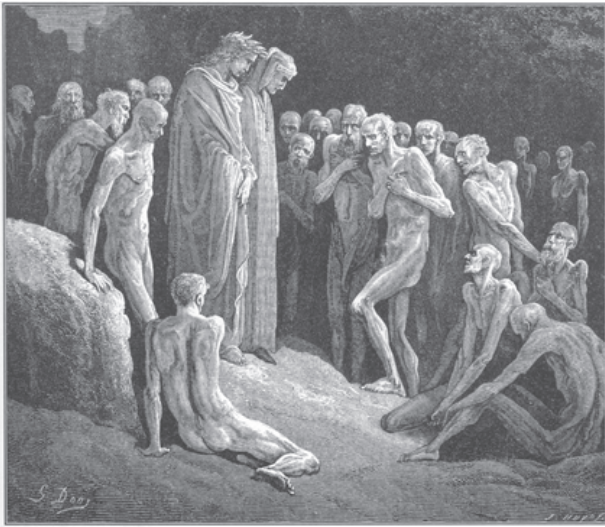
Пока ладья скрывалась в отдаленье,
Дабы к стране отчаянья пристать, —
На берегу стекалася опять
Толпа теней, и молвил благосклонно
Учитель мой: «О милый сын, узнай:
Всех во грехе умерших неуклонно
Господень суд сгоняет в этот край,
И самый страх в желанье обращает
Узнать скорей грозящий им удел.
Переступить таинственный предел
Всем праведным Всевышний воспрещает,
Вот почему разгневался Харон».

Умолк поэт. Едва окончил он,
Как царство тьмы заколебалось с силой,
Что вызывает ныне на челе
Холодный пот. В долине слез унылой
Промчался вихрь, и молнии во мгле
Блеснули вдруг, как пламень красноватый.

И я упал, как будто сном объятый⁶.

ЧИСТИЛИЩЕ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Пройдя через Ад, Данте и Вергилий приходят к подножию горы Чистилища, описанию которого поэт, после обращения к музам в начале этой песни, решает посвятить свой труд. На востоке разгорается заря, и постепенно меркнут светила на небосклоне; лишь на южной части его горят четыре яркие звезды — по предположению комментаторов, звезды Южного Креста, они олицетворяют у Данте четыре высшие человеческие добродетели. Перед поэтом появляется старец, внушающий ему почтение. Это Катон Утический — величайший муж древности, выше всего в своей жизни ставивший вечную свободу. Старец, охраняющий доступ к Чистилищу, выражает удивление при виде Данте и Вергилия, но последний объясняет, что ему поручено Небесной Женой провести Данте к ступеням высшего блаженства. Тогда Катон указывает им путь к островку, на котором они должны сорвать тростник и опоясаться им, и, кроме того, говорит, что Данте должен омыть свое лицо живой росой, чтоб снять с себя коготь, осевшую на его лице во время пребывания в Аду. Оба поэта в точности исполняют повеление Катона.

Покинувший пучину адских волн,
В иных водах, о вдохновенья челн,
Лети вперед под всеми парусами.
Обитель ту¹, которая светла,

Куда наш дух, влекомый небесами,
Возносится, очищенный от зла, —
Прославлю я мою песнью ныне.
Взываю к вам, о музы, о богини!
Пусть Каллиопа² выше воспарит,
Моим стихам той музыкою вторя,
Которая смирила Пиерид³,
В прощении отчаявшихся с горя.
С надеждою вступил я в первый круг⁴.
Цвет сладостный небесного сапфира
Сливался здесь с дыханием эфира,
Все светлое, что видел я вокруг, —
Душе моей, томимой видом мук,
Моим очам — надежду возвратило.
Узрев любви прекрасное светило⁵,
Которое созвездье Рыб затмило, —
Улыбкою восток зарделся весь.

Я устремил направо взор, и здесь,
У полюса другого, мне четыре⁶
Явились планеты: в целом мире
Видала их лишь первая чета.
Среди небес их блеск и красота,
Казалось, рождают ликование.
Полночный край, печален твой удел:
Не знаешь ты их дивного сиянья.

Я в сторону другую поглядел,
Где виден был лишь след от колесницы⁷,
И старец⁸ тут явился предо мной,
Почтение внушавший без границы —
Сильнейшее сыновьего. Двойной
На грудь его спускалися волной
Серебряные кудри с бороною,
Такою же, как волосы, — седою.
В сиянии тех четырех светил,
Как будто днем он ясно виден был,
И молвил он: «Из мрака заточенья
Идущие насупротив теченья —
Кто вы? И кто светильник вам зажег?
Кто вывести из тьмы кромешной мог?
Ужель закон геенны уничтожен?

Иль Божий суд, вовеки непреложен,
Был изменен Создателем Самим,
И грешникам дозволил Он одним
На этот раз прийти в мою обитель?»

Тут повелел мне знаками учитель⁹
Потупить взор, колена преклоня,
И отвечал он старцу за меня:
«Не по своей сюда являюсь воле.
Сошедшею из горних стран Женой¹⁰
Доверен мне стоящий тут со мной.
А если ты узнать желаешь боле —
Всю истину тебе открою я.
Он близок был к закату бытия,
Благодаря деяньям безрассудным.
От гибели стремясь его спасти,
Его путем единственным и трудным
К спасению решил я привести.
Теперь пускай увидит смертным взором
Те души он, что под твоим надзором
Очиститься от их грехов должны.
Как шли мы с ним из адской стороны,
Я долго бы рассказывал об этом.
Ведомые сиявшим свыше светом,
Мы для того явились в твой чертог,
Чтоб видеть он, тебя услышать мог.
Прими его, о старец, благосклонно!
К свободе он стремился неуклонно,
Которая героям дорога.
Ты за нее, не от руки врага,
Пал в Утике, где прах остался бранный,
И в день Суда восстанет он — нетленный.
Нет, ради нас не изменил Творец
Решения: мой спутник — не мертвец,
Не страшны мне Миноса приговоры,
Я в том кругу, что озаряют взоры
Тобой любимой Марции¹¹. Она,
По-прежнему любви к тебе полна,
Назваться вновь желала бы твоею.
От имени ее молить я смею:
Смягчися к нам, дозвошь пройти по всем
Кругам твоим, число которых семь.

И Марции, когда дозволишь это,
Я выскажу признательность мою».

Ответил он: «От вас не утаю:
Пока еще не уходил из света,
Я на земле так Марцию любил,
Что отказать я не имел бы сил
В чем-либо ей. Теперь, когда глубоко
Мы бездною преступного потока
Разделены, — нет власти надо мной
У Марции. И если ты Женой
Небесною введом и направляем,
Напрасно я тобою восхваляем,
От сладостной хвалы мой слух отвык.
Иди, сорви растущий там тростник¹²
И опояшь им спутника, и лик
Его омой, пятно скорбей стирая,
Дабы его увидел ангел Рая
Очищенным. На этом островке,
Который там лежит невдалеке,
Растет тростник. Не может никакое
Зазеленеть растение иное
На той скале; настолько там силен
Волны прибой. Пребудьте в ожиданье
На острове, покуда небосклон
Не озарит светила дня сиянье,
В лучах зари найдете указанье,
Как на гору удобнее взойти».

И он исчез. К поэту подойти
Я поспешил, безмолвно вопрошая.

И отвечал путеводитель мой:
«Нам следует назад идти с тобой,
В долине здесь покатошь есть большая».

Меж тем заря забрезжила. Вдали
Увидел я, как море трепетало.
Равниною пустынною мы шли,
Как путники, бредущие устало.
И, наконец, достигнув уголка,
Где, меж ветвей зеленых укрываясь,
Блестит роса, от солнца защищаясь,
Ладонями наставник мой слегка

Коснулся трав. Рососою слез омыты,
Ему мои подставил я ланиты,
И снова им вернул он цвет былой¹³,
Неведомый в пучине Ада злой.

Приблизились мы к берегу, откуда
Никто еще из смертных не отплыл¹⁴;
Там тростником я опоясан был,
Как повелел нам старец, и — о чудо! —
Учитель мой едва сорвал тростник,
Взамен его другой явился вмиг.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Пока поэты совершают омовение, заря на востоке теряет свой алый цвет и восходит солнце. Вместе с этим Данте замечает другой, все более и более усиливающийся свет, сзади которого Вергилий видит очертания крыльев. Это — ангел Божий. Он без весел и руля ведет ладью, в ней находятся более ста душ, жаждущих проникнуть в Чистилище. Ангел покидает их, и они обращаются к Вергилию с вопросом относительно дороги на гору Чистилища. Один из прибывших призраков, приветливо улыбаясь, протягивает к Данте объятия. Он, в свою очередь, хочет обнять его, так как признал в нем своего друга — композитора Каселлу, но, ввиду бесплотности призрака, поэт чувствует, что обнимает только воздух. Каселла рассказывает, как он попал в это место, и Данте просит усладить его слух пением, в ответ Каселла поет первую строфу из стихотворения Данте, положенную им на музыку. Все призраки в восхищении внимают, но пение нарушает благо-разумный старик, приглашающий все души начать путь к горе Чистилища. Души и поэты отправляются.

Со стороны того меридиана,
Где царственный стоит Иерусалим¹,
Явилось нам солнце из тумана,
Меж тем над полушарием другим
От Ганга² ночь с Весами восходила.
Когда собою землю тьма покрыла —
Роняет ночь из рук своих Весы.
Пылавшая румянцем в те часы,
Покуда в небе солнце не восходило,
Подернулась Аврора³ желтизной.
Стояли мы пред гладью водяной
Задумавшись и схожие с пловцами,

Которые одними лишь сердцами
Стремятся вдаль, не двигаясь вперед.
Как иногда, над лоном светлых вод,
Алеет Марс под дымкою рассвета —
Так предо мной явился отблеск света
Чудесного, скользивший по волнам.
О, если б вновь я мог увидеть это!
И тот же свет предстал моим очам
Блистательней и ярче, приближаясь.
По сторонам обеим выделяясь,
Виднелось нечто белое. Уж был
Он близок к нам, и очерк белых крыл
В сиянии наставник мой заметил,
И, кормчего узнав, проговорил:
«Здесь ангела Господнего ты встретил;
Почти его, колена преклоня;
Таких, как он, ты с нынешнего дня
Увидишь здесь — избранных Небесами.
Ему весла не нужно с парусами:
Достаточно ему лишь этих крыл.
Ты видишь ли, как светлый ангел Рая
Летит сюда, их к небу простирая?
И перья их, бессмертны, как он сам, —
Не падают, подобно волосам
У смертного». По мере приближенья
Небесный дух все делался светлей,
И блеск его — для взора тяжелей.
Потупил я глаза в благоговенье,
И к берегу причалил он свою
Воздушную и легкую ладью.

Он радостно ладью этой правил;
Спасенных душ с ним было больше ста,
И к Господу зывали их уста:
«Когда народ Израиля оставил
Египетскую землю...» — Торжеством
Звучала песнь — ликующий псалом.
Остановись и знамение крестным
Напутствовав причаливших к земле,
Он с легкостью исчез в лучистой мгле.

Спасенные, причалив к неизвестным
Им берегам, не ведая дорог,
По сторонам смущенно озирались.

Меж тем лучи дневные разгорались,
И с половины неба Козерог
Их стрелами был прогнан. Тут с вопросом
Прибывшие к поэту подошли:
«Как на гору подняться к тем утесам?»

И отвечал Вергилий им: «Земли
Мы здешней не видали. Издали
Явились мы — такие ж пилигримы,
Как сами вы; усталостью томимы,
Взбирались мы неведомым путем,
Дорогою, столь трудной и крутою,
Что на гору покажется подъем
В сравненье с ней — забавою простою».

Как смертные, которые, теснясь,
Льнут к вестнику, принесшему собранью
Маслины ветвь, — так призраки, дивясь,
По моему заметивши дыханью,
Что я живу, — столпились возле нас,
Забыв свершить святое омовенье.
О призраки, доступные для зренья!

Один из них, исполненный любви,
Простер ко мне объятия свои;
Я в свой черед пытался троекратно
Обнять его, но руки непонятно
Мне падали на грудь, и обнимал
Лишь воздух я. Он удаляться стал
С улыбкою, я двинулся, конечно,
Вослед ему, и молвил он сердечно:
«Как я любил когда-то во плоти,
Так и теперь, освобожден от плоти,
Люблю тебя. Но в здешний край идете
Вы для чего?» — «По этому пути, —
Я отвечал, — я должен, мой Каселла⁴,
Вернуться в мир. Еще не отлетела
Душа моя, но ты почил давно.
Так почему ж досель не суждено
Тебе вступить в обитель очищенья?»

Отвечил он: «Мне ангел в разрешенье
Отказывал, за это не должно
Корить его: так Господу угодно.

Но вот уже три месяца свободно
Желающих войти выпускает он.
Где быстрый Гибр⁵ течет волною мутной —
Я принят был с толпою мне попутной;
Туда со всех стекаются сторон
Все те, кого не принял Ахерон».

Я отвечал: «Когда не возбранил
Тебе закон тех дивных песнопений,
В которых я среди моих сомнений
Вновь почерпал запас любви и сил, —
Утешь мой дух смятенный и мятежный».
И мне в ответ раздался голос нежный:
«Любовь моя, глаголешь ты уму»⁶.

Восхищены, внимали все ему,
И призраков объял восторг священный,
Но пение прервал старик почтенный,
Воскликнувший: «О нерадивый род!
Что ж двинуться вы медлите в дорогу?
Там на горе кору земных забот
Стряхнете вы, мешающую Богу
Проникнуть к вам». Услышав голос тот,
Как голуби, которые, покуда
Их не спугнут, усевшись на окно,
Не трогаясь, клюют свое зерно,
Но, слыша крик, снимаются оттуда
И прочь летят, — так и толпа теней
Испуганно рассеялась, и сами
С учителем, поспешными шагами,
Мы двинулись к вершине вслед за ней.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Вергилий и Данте за толпой душ отправляются к горе Чистилица. Вергилий озабочен. Данте, увидев свою тень перед собой, тоже смущается и боязливо оглядывается назад, но Вергилий успокаивает его обещанием не покидать его в пути и вместе с тем говорит, что человеку незачем стараться проникнуть в тайны Провидения; ему достаточно только знать проявление этих тайн, не доискиваясь их причины. Подойдя к горе, поэты остановились, видя перед собой весьма крутой подъем и не зная, как взобраться на него. В это время к ним с левой стороны робко приближается толпа

душ. Вергилий поясняет им, что Данте, хотя и живой, допущен в Чистилище Высшей волей, и просит указать дорогу к вершине горы. Из толпы выделяется один призрак и спрашивает Данте, не признает ли он его. Когда поэт говорит, что он этого сделать не может, призрак объясняет, что он — Манфред, король Сицилии, павший в битве при Беневенто. Он предсказывает Данте, что тот до конца жизни вернется на свою родину, и просит поэта передать его дочери Констанции, родоначальнице королей Арагона и Сицилии, что он, Манфред, хотя и был отлучен от церкви, но все-таки не подвергся вечным мучениям, так как покался перед смертью, и попал в Чистилище. Здесь ему придется пробыть срок, который в тридцать раз дольше, чем время прегрешения на земле, так как этот срок может быть сокращен молитвами оставшихся в живых, то он просит Данте передать Констанции, чтобы она молилась за его, Манфреда, душу. В этой песне вполне ясно определяется воззрение Данте на Чистилище, основанное на учении религии, которую он исповедовал.

Когда толпа вся двинулася разом
К святой горе¹, куда влечет нас разум, —
Я подошел к Вергилию. Один
Не в силах был достигнуть я вершин.
Собою недоволен и встревожен
Казался он. Чья совесть так чиста —
Терзается проступком, как ничтожен
Тот ни был бы. И эта быстрота,
С какой он шел, казалась непривычной,
Не согласуясь с поступью обычной,
Исполненной величия. Певец
Шаги свои замедлил наконец,
И я, смилив душевную кручину,
Глаза возвел на горную вершину,
Ушедшую высоко в небеса.
Вдруг тень моя легла, как полоса,
Мне на пути, являясь преградой
Для солнечных лучей², и я назад
На спутника с тревогой кинул взгляд.

Но он сказал: «Тревожиться не надо.
С тобою был и буду я всегда.
Теперь восходит Геспера³ звезда
В той местности, где прах мой погребенья
Сподобился⁴ и где когда-то тень
Отбрасывал он также. В эту сень

Свершилось его перенесенье
Из города Бриндизи. Светлый луч
На луч другой бросать не в состоянье
Тень от себя, и вот — разгадки ключ.
Ты — плоть, я — дух бесплотный, но страданье
Испытывают духи: стужу, зной.
Как? Почему? Наукою земной
Нам не достичь желанного познания.
Воплощено в трех лицах Божество,
И тайны все исходят от Него.
Будь смертному доступны все понятия —
К чему тогда и таинство зачатия
Мариина? Открыть вещей закон
Стремилась Аристотель и Платон,
Бессильные пред тайной мировой».
И, молвив так, поникнул он главою.

Достигнувши подножия, мы тут
Замедлили на несколько минут;
Идти вперед отказывались ноги —
Так был подъем невероятно крут.
Ничто пред ним пустынные дороги
Меж Леричи и Турбией⁵. Тогда,
Остановясь, проговорил Вергилий:
«Подняться вверх невысказимо без крылий,
А здесь пути не вижу и следа».

Покуда он глядел перед собою,
Увидел я, как с левой стороны
Немало душ к нам двигалось гурьбою,
И вымолвил: «Подать они должны
Благой совет». Спокойнее, чем прежде,
Ответил он: «Навстречу им готов
Идти с тобой; доверься же надежде!»

Мы сделали до тысячи шагов
В их сторону, и все же оставались
Мы от толпы на перелет праща,
Когда у скал, что к небу поднимались,
Они столпились, выхода ища.
И молвил им наставник мой: «Блаженный
Ниспослан был вам Господом конец,
О души тех, кого избрал Творец,
И ныне ждет вас мир неизреченный.

Откройте нам: как на гору взойти?
Мы время здесь теряем дорогое».

Как робкие барашки — двое-трое,
Лишь издали решаясь подойти,
С покорностью стоят пугливо-кроткой
Иль следуют за первым по пятам —
Так первые из душ, стоявших там,
К нам скромною направились походкой.
Но, тень мою увидев пред собой
На выступе скалистого откоса,
Попятились испуганной гурьбой.

«Не ожидая вашего вопроса, —
Сказал поэт, — сознаюсь вам: из двух,
Стоящих здесь, лишь я — бесплотный дух,
Другой — живет. Но не дивитесь, верьте,
Что свыше он допущен в царство смерти».

И призраки сказали в свой черед:
«Вон там свернув, идите все вперед!»
Указывая путь руки движеньем,
Так молвили толпою всей они.
Один из них, глядевший с умилением
В лицо мое, проговорил: «Взгляни
И поищи в своем воспоминанье
Черты мои!» На призрака вниманье
Я обратил; раздвоенный рубец
Над бровью разглядел я, но приятен
Лицом он был: и белокур, и статен.
Когда же я сознался наконец,
Что я признать его не в состоянье,
Улыбкой он ответил на сознанье
И, на груди указывая след
Глубоких ран, промолвил: «Я — Манфред⁶,
Констанции я внуком был. Земную
Не кончив жизнь, вернешься ты в родную
Италию. Дочь милую мою⁷
Ты посети, зовущуюся «славой
Сицильи с Арагонией» в краю.
Когда двумя ударами смертельно
Я был пронзен (об этом повести), —
К Всевышнему, чья благодать беспредельна,
Я поспешил моления вознести.

Перед Лицом Его грешил я много,
Но, если бы завет великий Бога,
Дарующий прощенья благодать,
Умел Козенцы пастырь⁸ исполнять,
На поиски костей моих Климентом
Отправленный, — досель под Беневентом
В гробнице бы покоились они.
Теперь же вихри буйные одни
С туманами и частыми дождями
Пронесаются над этими костями.
Близ Верде были брошены они;
И факелов потухшие⁹ огни
Им грозное проклятие вешали.
По счастью, проклятья не изгнали
Так далеко небесную любовь,
Чтоб не могла она вернуться вновь,
Пока цветет надежда красотою.
Кто осужден был церковью святою,
Хотя бы он успел в предсмертный час
Раскаяться душой, — ждет очищенья
В течение срока трижды десять раз
Длиннейшего, чем время согрешенья.
Тяжелый срок! Порой бывает он
Молитвами живущих сокращен.
Констанции доставишь утешенье,
Пред ней меня очистивши от лжи.
Проси ее молиться и скажи,
Какою здесь удержан я преградой!
Молитвы их бывают нам отрадой».

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Прошло три часа. Поэты подходят к горному проходу, и души, сопровождавшие их, говорят, что здесь начинается ход на гору Чистилища. Ход этот не что иное, как узкая тропинка, по которой Данте и Вергилий поднимаются вверх. Данте измучен тяжелым подъемом, но Вергилий ободряет его, говоря, что при подъеме лишь вначале чувствуется усталость, а затем она уменьшается и дорога кажется совсем легкой, так что появляется возможность отдохнуть на вершине. В это время раздается голос, который иронически сообщает, что путникам придется отдохнуть гораздо раньше. Данте всматривается в говорящего и узнает в нем музыканта Беллаку, известного своей поразительной ленью. С ним вме-

сте находятся еще много душ ленивцев. Беллака говорит, что он вовсе не желает утруждать себя подъемом, так как все равно его не пустит ангел к вратам искупления: до конца своей жизни он откладывал покаяние и потому столько же времени должен томиться на этой возвышенности горы Чистилища. Данте, таким образом, изобразил томление душ грешников, виновных в лени.

Когда душа восторга иль тоски
Исполнена — бывают далеки
Все помыслы другие, не тревожит
Ее ничто: раздвоиться не может
У нас душа, и — в заблужденье тот,
Кто две души¹ у смертных признает.
По этой же причине, в созерцанье
Углублены того, что нас влечет, —
Мы забываем времени полет.
В душе есть две способности: вниманье
И самоуглубление; одна
В себе самой бывает не вольна,
Другая же — свободна. В том на деле
Я убедиться мог; покуда слух
Мне пением ласкал любимый дух —
Мгновения невидимо летели,
И три часа минуло с той поры.
Так мы пришли к проходу у горы,
Где молвили нам души: «Вы — у цели!»

Не так узка тропинка, в пышный сад
Ведущая, где зреет виноград,
Заграждена из терния забором —
Как горный путь, представший нашим взорам.
Когда от нас ушла толпа теней,
С учителем мы двинулись по ней.
При помощи здоровых ног и воли,
Спускаемся мы из Сан-Лео к Ноли,
На самый верх Бисмантуи² идем,
Но совершить столь тягостный подъем
Возможно здесь лишь на крылах желаний,
И, на него исполнен упований,
Я следовал покорно за вождем.

Тропинкою мы поднимались тесной,
При помощи усталых рук и ног,

Меж темных скал, что высились отвесно.
Когда взошли мы на крутой отрог,
Я спросил наставника: «Отныне
Какой же путь мы дальше изберем?»
Ответил он: «Иди за мной к вершине,
Покуда мы проводника найдем».

Так далеко казалось до вершины,
Что тех высот не мог достигнуть взор.
Превосходил величьем косогор
Идущую от самой середины
Квадранта к центру высшему черту.

Измученный, на эту высоту
Карабкаясь, с отчаяньем глубоким
Воскликнул я: «Замедли шаг, отец!
Не то в пути останусь одиноким!»
Ответил он: «Иди! У тех высот
Тебя, мой сын, желанный отдых ждет», —
Так ободрял в пути меня Вергилий.

Мы поднимались, не щадя усилий,
И наконец присели отдохнуть
И обозреть пройденный нами путь.
На землю взор я опустил сначала,
Потом возвел на солнце и немало
Был изумлен, когда явилось мне
Светило дня на левой стороне —
Меж нашею горой и Аквилона
Пустынею. Вергилий молвил так:
«Когда бы шли за солнцем неуклонно
Кастор и Поллукс³, яркий зодиак
Узрели б мы в лазури небосклона
Гораздо ближе к северу, но он
Сошел с пути. Когда б гора Сион
И здешняя — с различных двух сторон
И в разных полушарьях возвышались,
Но горизонт имели бы один,
То смелый путь, каким среди равнин
Заоблачных не удержиимо мчались
Тут кони Фаэтоновы вперед⁴,
Двумя кругами разными идет:
Вверху — один, внизу — другой. Понятно
Вполне оно пытливому уму».

Ответил я: «Понятью моему
Ты все открыл, что было непонятно.
Тот высшего движенья полукруг,
Что назван был одною из наук
Экватором, меж нашею планетой
И солнцем проходящий — не на юг
Стремится он, как полагали это
В Израиле, а к северной стране.
Но долго ли — теперь поведай мне —
Продлится путь? Вершина так высоко,
Что увидеть ее не может око».

Ответил он: «На первой лишь поре
Ты чувствуешь бессилие и вялость;
Чем дальше вверх идешь ты по горе⁵ —
Тем легче путь и менее — усталость,
И под конец дорога так легка,
Как по воде — движенье челнока.
Но отдохнуть лишь при конце возможно.
Все, что тебе поведал я, — не ложно».

В молчании внимал я тем словам,
Когда вблизи раздался некий голос:
«И ранее присесть придется вам!»

На выступе скалы, что раскололась,
Немало душ, усевшихся в тени,
Предстало нам. «Учитель мой, взгляни
На эту тишь! Обняв свои колени,
Не кажется ль сестрой родною лени
Тебе она?» — проговорил я вслух,
И мне в ответ лениво молвил дух:
«Взбирайся вверх, когда в себе отвагу
Ты чувствуешь». Взойдя на этот склон,
Подъемом был я крайне утомлен,
Дыхание спиралося, но шагу
Прибавил я, чтоб подойти к нему.
Тут голову приподнял он устало
И произнес: «Ты понял, почему
Светило дня налево заблестало?»

По медленным движеньям и речам
Его сейчас признал я без ошибки
И отвечал, не удержав улыбки:

«Беллака⁶, ты ль являешься очам?
Тебя жалеть я не могу отныне.
Но почему, не двигаясь к вершине,
Сидишь ты здесь? Ты ждешь проводника
Иль, может быть, все так же велика
В тебе склонность к лености и ныне?»

Ответил он: «Зачем пойду, о брат?
Ждет ангел там, у искупленья врат,
И он меня не выпустит. Покаянье
Я отлагал до самого конца,
И столько же продлится ожиданье.
Молитвою лишь чистые сердца
Помогут мне до истечения срока».

«Иди за мной!» — учитель молвил мне.
«С меридианом — солнце наравне
И скрыла ночь стопой своей Марокко»⁷.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Данте продолжает путь, следуя за Вергилием, но один из духов той толпы, о которой говорилось в четвертой песне, обращает внимание на то, что Данте должен быть живым человеком. Все с изумлением смотрят на него. Данте также оборачивается, но Вергилий советует ему неуклонно продолжать путь. За ними следует много душ, поющих гимн и тоже замечающих тень Данте. Вергилий говорит им, чтоб они вернулись обратно к своим товарищам и объяснили им, что Данте может оказать им большую помощь, вернувшись на землю и передав их родственникам об их жизни в Чистилище. Это оказывает действие. Поэты окружены массой душ, из которых выделяются трое: Якопо дель Кассеро, Буонконте, сын графа Монтефельтро, и Пия деи Толомеи. Все они погибли насильственной смертью, но перед кончиной покаялись, а потому, хотя и не получили от церкви отпущения грехов, попали в Чистилище.

Вслед за вождем, идущим впереди,
Я двинулся, толпу оставив эту,
Но дух один воскликнул: «Погляди
На путника, который позади;
Помехою он солнечному свету
Является, отбрасывая тень;
Не мертвецом вступил он в эту сень».

Все на меня взглянули изумленно,
Я обернулся также в свой черед,
Но мне сказал Вергилий: «Неуклонно,
Не слушая речей, иди вперед!
Подобен будь незыблемой твердыне:
Пусть ураган шумит в ее вершине —
Она стоит и не падет вовек.
Всегда далек от цели человек,
В чьей голове одной идет на смену
Другая мысль, утрачивая цену».

Ответить мог одно лишь я: «Иду!» —
И вспыхнул весь той краскою смущенья,
Что испугать способна заблужденья.

Тут увидел я с нами наряду
Немало душ, идущих по дороге;
Когда они заметили в тревоге,
Что тень мою я за собой веду, —
Протяжное испуга восклицанье
Сменило гимн священный покаянья
В устах у них, и двое, подойдя,
Спросили нас: «Поведайте нам: кто вы?»
И прозвучал ответ из уст вождя:
«К своим вернуться будьте вы готовы
И им открыть, что тот, кто на пути
Бросает тень, явился во плоти
В загробный мир и многим здесь поможет,
Вернувшись в мир живущих; потому
Пусть выкажут почтение ему».

С такую быстротой блеснуть не может
Луч молнии иль светлый солнца луч
Рассеять вмиг громаду темных туч —
С какой толпа, помчавшись за другою
Толпою душ, вернулась с ней назад,
Как будто в бой несущийся отряд.

«Они пришли громадною толпой,
И, следуя, куда тебя веду,
Выслушивай их просьбы на ходу!» —
Сказал поэт. Меж тем они гурьбою
Столпились и восклицали так:

«Блаженная душа, замедли шаг
И оглянись! Увидишь пред собою
Кого-нибудь, о ком отсюда весть
Ты вздумаешь друзьям его принести.
Но почему не хочешь на дороге
Помедлить ты? Забывшие о Боге,
Мы все нашли насильственный конец,
И лишь пред ним нас просветил Творец.
Очистившись посредством покаянья,
Стремилась мы к блаженству созерцанья».

Ответил я: «Скажите, отчего
Не узнаю из вас я никого,
О сонмы душ, рожденные для счастья?
Питая к вам нежнейшее участие,
Исполнить все просимое берусь.
Я миром в том божественным клянусь,
Стремлением к которому стгорая,
Перехожу я ныне в край из края
Вслед за моим возлюбленным вождем».

Один из них ответил: «Доверяя
Тебе вполне, обета мы не ждем
И веруем лишь в доброе желанье.
Меж королевством Карла и Романы¹
Пределами мой край расположен.
Пусть обо мне мольбы возносят в Фано,
Где некогда я жил и был рожден,
Хотя моя мучительная рана
Получена не в городе родном,
А в Падуе, на лоне Антенора²,
Где мщение меня настигло скоро.
Укройся я в убежище ином³ —
Загробного я избежал бы мрака.
Но я врагом настигнут в Ориако;
Среди болот упал я, и кругом
Струилась кровь из ран моих ручьем».

Другой души услышал я воззванье:
«Когда горы достигнешь ты святой,
Где все твои исполнятся желанья —
И о моем ты вспомнить удостои,
Молитвою смягчи мне покаянье.
Я — Буонконте⁴, Монтефельтро сын,

На родине забыт я Джиованной
И здесь брожу с толпою покаянной».

«Где ты погиб — не знает ни один
Из жителей родного Кампальдино, —
Ответил я. — Какой злосчастный рок
Так далеко сюда тебя увлек?»
И начал он: «К подножью Казентино
Бежит река⁵, струясь из Апеннин;
Там, где ее теряется название, —
С пронзенным горлом пал я без дыханья
И с именем Марии на устах,
И от меня остался только прах.
Всю истину поведай, не скрывая:
Меня с собой унес посланник Рая,
Но адский дух кричал ему: «Он — мой!
Возможно ли? Из-за слезы одной
Лишаюсь я его бессмертной части!
Но плоть его в моей осталась власти»⁶.
Ты ведаешь, как влажные пары,
Поднявшись над уровнем горы,
Сгущаются, преображаясь в воду.
И, выказав ту злобную природу,
Что демонам присуща, злобный дух
Вдруг поднял вихрь, навевя непогоду.
Как только день сияющий потух —
Окуталась тучами долина
От Пратоманьо вплоть до Апеннина,
И хлынул дождь, заливший все вокруг.
И в яростном порыве урагана,
Ломая все, бурливый Арчиано,
Преобразившись в бешеный поток,
В широкую Арно мой труп увлек.
Он разметал неумолимо руки,
Которые, среди предсмертной муки,
Я на груди моей сложил крестом.
На дне речном, в песке и влажном иле,
Покрывших труп истерзанный пластом —
В неведомой он погребен могиле».

«Когда опять в родную вступишь сень,
Не забывай, — сказала третья тень, —
Погибшую в тоске неизреченной.

РАЙ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Данте, начиная третью часть поэмы, говорит, что он, поднимаясь на небо, видел чудо, и обещает воспеть все виденное им, но при этом взывает к Аполлону и музам, прося у них помощи в его труде. У врат небесного пространства спутница Данте — Беатриче — останавливается и пристально смотрит на солнце. Поэт, в свою очередь, глядит на Беатриче и чувствует, что он становится иным, чем был на земле. Он замечает движение небесных сфер и, удивляясь им, желает знать причину, по которой ему стало возможным вознестись к первому небу (Луне) над воздухом и огнем. Беатриче дает ему объяснение, говоря об устройстве небесных сфер и о том, что проникновение в первое небо стало доступным для Данте потому, что он избавился от оков страстей и грехов, стал чистым духом и, подобно огню, возносится к небу.

Тот, Кем все движется¹, божественно нетленной
Своею славою сияет во вселенной;
Где — более она, где — меньше разлита.
Я в небо восходил, и горних высота
Была открыта мне; там созерцал я чудо,
Но передать о нем бессильны тех уста,
Кто, лицезрев его, спускается оттуда:

Затем, что разум наш, увидев пред собой
Своих желаний цель², такую глубиной
Бывает поглощен, что нет уже возврата
Воспоминаниям. Но все, что мне когда-то
Увидеть довелось в божественном краю —
Сокровища небес, — я в песне воспою.

О Аполлон благий! Вдохни огонь священный
И свыше вдохнови последний этот труд,
Соделав из него даров твоих сосуд,
Чтоб мог я заслужить по праву лавр бесценный.
Одной вершиною парнасскою досель
Довольствовался я, теперь же вместе с нею
Нужна другая мне³ — затем, что я имею
Иную пред собой возвышенную цель.
Дай силу мне, с какой в былом, казня сурово,
Ты кожу с Марсия⁴ виновного совлек.
И, если б тень того здесь передать я мог,
Что видел в царстве я блаженства неземного —
Тогда б венчался я священной листвою⁵.
Так редко, мой отец — о, не позор ли это? —
Для увенчания царя или поэта
Приходится срывать нам лавр зеленый твой,
Что сам дельфийский бог быть должен в восхищенье,
Когда хоть в ком-нибудь могло зажечь влечение
Пенея дерево⁶. От искры до огня
Не слишком далеко: искуснее меня
Поэты явятся, звучней их песнь польется,
И, может быть, в ответ им Кирра отзовется.

Свет мира⁷ в разные вливается врата,
Но там, где четырех кругов соединенье
Образовало три чудесные креста⁸, —
Прекрасней звезды там, сильнее его течение,
Послушнее ему бывает воск земной.
У этих чудных врат со стороны одной
День ясный восходил, с другой же — сумрак ночи.
И полушарие казалось одно
Все белое, как снег, другое же — черно.
И тут увидел я, как Беатриче очи
Свои небесные на солнце возвела;
Столь пристальным едва ль бывает взор орла.
И так, как иногда случается порой:

Из первого луча исходит луч второй
И возвращается, как пилигрим, обратно, —
Так действие ее проникло непонятно
Через глаза ее мне в душу, возбудив
Такое ж действие, и, взоры устремив,
На солнце долее глядел я, чем возможно
Оно для смертного. На этих высотах
Доступно многое, что было бы в местах,
Нам уготованных для жизни, невозможно.

Недолго выносить я мог его лучи,
Но видел: как металл, что вынут из печи,
Оно бросало искр блестящих вереницы.
Вдруг показалось мне, что вижу свет денницы
Я новый в небесах, как будто небосвод
Другим светилом дня⁹ украсил дивно Тот,
Кому возможно все. Но, с вечной колесницы
Очей не отводя, стояла там Жена,
И вся душа моя, вмиг преображена,
Стремилась ей вослед. Такою же судьбою
Постигнут был и Главк¹⁰, когда, морской травую
Насытая, божеством он сделался морским.
Нет слова у меня, нет сил для выраженья,
Постигшего меня в тот миг преображенья.
Любовь¹¹, которою весь мир руководим,
Вознесшая меня своим чудесным светом,
Зачем я не таким остался в мире этом,
Каким я создан был? Какой еще пример
Могу я привести? Когда движенье сфер¹²,
Стремящихся к Тебе струею их небесной,
Уравновешенных гармонией чудесной,
Мое внимание внезапно привлекло,
От солнечных лучей, широко и светло
Вокруг разлившихся, зарделись небосводы;
В обилии таком не разливались воды
Громаднейших озер. И звуков новизна
В связи с неведомым божественным сияньем
Исполнила меня мучительным желаньем
Узнать причину их. Тут молвила она¹³,
Пред кем душа моя была обнажена,
В ответ волнениям томительно тревожным:
«Ты ныне ослеплен воображеньем ложным
И правды потому увидеть не успел.

Покинул землю ты. Быстрей полета стрел
Из тучи грозовой свершилось возвращенье
Твое на небеса». От первого сомненья
Ответ, который был с улыбкою мне дан,
Меня освободил; другим же обуян
Сомненьем, я сказал: «Теперь от изумленья
Я прихожу в себя, но как же в эту высь
Я мог над легкими телами¹⁴ вознестись?»

Со вздохом, словно мать, внимая бреду сына,
Ответила она: «Связует воедино
Все в мире сущее Божественный закон;
Ему благодаря, Всевышний отражен
В творении Своем. Безгрешные созданья
Здесь видят яркий след могущества Творца,
К кому закон Его влечет их без конца.
И, следуя ему на близком расстоянье,
На дальнем ли — но всех влечет одно желанье:
Присущий им инстинкт в различные края,
К различным гаваням чрез море бытия.
Огонь стремится вверх, инстинкту покоряясь.
Инстинкт же — двигатель и всех людских сердец;
Звеном связующим он служит, наконец,
И для гостей земли, властителем являясь
Всего живущего, и, словно меткий лук,
Не только он разит созданий низших круг,
Сознания ясного и разума лишенных,
Но всех, разумною любовью одаренных.
Являет Промысел премудрости пример,
И в небе Он разлить спешит успокоенье
Там, где вращается быстрейшая из сфер;
Туда относит нас, как к цели назначенья.
Могучий этот лук. Бывает иногда,
Что замечается от плана уклоненье
И форма замыслу художника чужда —
Вина материи, глухой и непокорной.
Так и создания, влекомые упорно
Приманкой ложною, от истинных путей
Вдруг уклоняются: так молнии огней
Паденье видишь ты. Не удивляйся боле,
Что поднимаешься, как ни дивился б ты,
Увидев ручеек, бегущий с высоты,

Страннее было бы, когда б по доброй воле
Остался на земле свет истины живой».

И к небу вновь она взор обратила свой.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Объятый желанием скорее проникнуть в Царствие Божие, Данте не отводит своего взгляда от Беатриче; она тоже смотрит на небо и быстрее молнии возносится вместе с поэтом на «первую звезду» — Луну. Вступив на нее, Данте по указанию Беатриче приносит хвалу Господу и затем, замечая на Луне пятна, желает узнать их причину, напомнив при этом о народном предании относительно их. Беатриче начинает объяснять строение светил и говорит, что в них таятся коренные различия в их плотности, но не от густоты их материи зависит проницаемость их для света. Далее она говорит, что в небесном пространстве есть высшая сфера, из которой исходит свет, передаваемый последовательно сферам, лежащим ниже ее и приводимым в движение великим двигателем (primum mobile — девятой небесной сферой). Совокупность этих небесных сфер является подобием Бога. И сила света планет зависит не от их строения, а от основных законов Божественного Разума.

О вы, желавшие услышать песнь мою,
Вы кораблю вослед направили ладью,
Вернитесь к берегам; в открытом бурном море
Вы затеряетесь, мой след утратив вскоре;
Никто не плавал в нем, и ходом корабля
Минерва¹ правит здесь, стоит же у руля
Великий Аполлон, и девять муз чудесных
Указывают путь среди светил небесных.

Но вы, немногие, привыкшие давно
К трапезе ангелов, которой не дано
Насытиться вовек, ладью ведите смело,
Держитесь на волнах вы моего следа,
Который вслед за тем исчезнет навсегда.
Колхиды царственной достигшие предела
Герои², увидав, как стал пахать Язон,
Дивились менее, чем будет удивлен
Теперь любой из вас. Желание скорее
То царство увидеть, чей первообраз — Бог,
Влекло меня наверх, в Господни эмпиреи.

От Беатриче я очей отвести не мог,
Она же в небеса глядела, и быстрее,
Чем с тетивы своей слетела бы стрела,
Меня святая власть в обитель вознесла,
Где окружавшее пленяло взор мой чудно.
Та, от которой мне таиться было б трудно.
Промолвила тогда, прекрасна и светла:
«Ты к Богу вознесись душою благодарной
На первую звезду³: Он переносит нас».

Мы были пеленой одеты лучезарной,
Такой же плотною и ровной, как алмаз,
На грань которого луч солнца пал беспечно.
И были приняты жемчужиною вечной
Мы, не оставив там малейшего следа:
Так поглощает вмиг игру лучей вода.
Но, телом будучи, я впал в недоуменье
По поводу того: возможно ль, чтоб одно
Могло принять в себя другое протяженье,
Что неминуемо произойти должно,
Когда одно из тел в другое проникает?
И я сильнее желал постигнуть сущность ту,
Которая людей с Творцом соединяет.
Чудесно вознося их дух на высоту;
Все постигает он, поднявшись в эту сферу,
Что принимали здесь мы ранее на веру.

«Мадонна, — молвил я, — насколько силы есть,
Благодарение Творцу спешу вознести,
Приведшему меня из мира к давней цели.
Но пятна вижу я на светлом лунном теле,
С преданьем связаны о Каине они⁴,
Ты истинное их значенье разьясни».

Она ответила мне с легкою улыбкой:
«Когда суждения являются ошибкой
Там, где ключи от чувств не открывают дверь,
То изумления стрелою ты теперь
Не можешь быть задет; ты видишь: при усилье
Лишь чувствам следовать — теряет разум крылья.
Поведай лучше мне, что думаешь ты сам?»

На это я сказал: «То, что я вижу там,
Как будто состоит из жидких тел и плотных».

Она ответила: «В суждениях безответных
Ты ошибаешься, и вот тому пример.
Созвездий много есть в восьмой из дивных сфер⁵,
Но по количеству и качеству их света
Различна от другой там каждая планета.
И если б разни́ца существовала эта
Лишь в большей плотности иль жидкости их тел,
То ровным пламенем и свет бы их горел,
Но существуют в них различья коренные,
И их причиною — начала основные.
Ты мнением своим их, кроме одного,
Опровергаешь все. Но если б, сверх того,
Лишь тел прозрачностью мы объясняли пятна,
То надо допустить, что в разных их частях
Запас материи иссякнул, вероятно.
И, как животное жирней в одних местах
И худощавее в других, так и планета
Являла бы собой страниц различных ряд,
В недоумение вводя невольно взгляд.
И в первом случае понятным стало б это
Во время солнечных затмений: волны света
Свободно пропускать тогда б Луна могла,
Как пропускают все прозрачные тела.
Но этого ведь нет. И так, предположенье
Другое разглядим, но если разобью
Я также и его, то этим, без сомненья,
Успешно докажу ошибку я твою.
Когда в себя лучей не пропускает тело,
То, стало быть, оно настолько отвердело
В известной области, что доступа им нет,
И возвращается упавший луч обратно.
Так точно зеркало отталкивает цвет,
Благодаря свинцу. Ты скажешь, вероятно,
Что в месте этом луч темней почти вдвойне
Затем, что отражен на большей глубине?
Но опыт жизнь дает искусствам благодатно,
И подтвердит тебе он все мои слова.
Возьми три зеркала; из них поставишь два
Ты впереди себя на равном расстоянье,
А третье — далее, и обрати вниманье,
Чтоб приходился взор меж первых двух зеркал,
А сзади был огонь, который освещал

Собой три зеркала, и, всеми отраженный,
Он возвращался бы затем к тебе назад.
Тут безошибочно тебе докажет взгляд,
Что в третьем зеркале, от взора отдаленный,
Покажется огонь, в размерах умаленный,
Но с той же яркостью, как в первых, отражен.
От заблуждения твой ум освобожденный
Да будет истины сияньем озарен:
Так под влиянием полдневного светила,
Вокруг струящего тепло свое и свет,
Все то, что под корой морозною застыло,
Утрачивает свой первоначальный цвет
С холодностью своей. Среди высот эфира
Есть тело в области Божественного мира⁶,
В котором бытие всего заключено,
И это бытие затем разделено
В ближайших небесах меж сущностей различных,
В нем заключавшихся и от него отличных.
И эти сущности к конечной цели их
Другие небеса приводят постепенным
Движеньем органов бывает мировых;
Идущий сверху свет в порядке неизменном
Они передают нижайшим в свой черед.
Заметь, что, следуя дорогою избранной,
Я ныне к истине тебя веду желанной,
Затем уже один идти ты можешь вброд.
Великий двигатель источником движенья
Является для сфер, вращаясь без конца;
Не так ли молота его произведенья
Зависят от одной лишь воли кузнеца?
И небо, где блесит созвездий столько разом,
Становится вполне подобием Того,
Кем движется оно и Кто есть — Высший Разум.
Как дух, что, оживив земное существо,
В нем разливается, всем членам жизнь давая
И назначая им различных действий круг,
Так Разум, посреди созвездий разливая
Свой свет Божественный, вращается вокруг
Единства своего. Случается обычно,
Что силы разные, соединясь различно
С телами дивными, их оживляют вдруг,
Как дух, земную плоть. А так как эта сила,

Которая собой планету оживила,
Светла и радостна, то свет ее очей
Блестит, как счастья луч, из глубины очей.
Итак, не потому, что плотно иль прозрачно
В планетах вещество — и свет различен в них;
Все это от начал зависит основных:
Лишь ими создано все, что светло и мрачно».

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Выслушав объяснения Беатриче, поэт хочет возразить ей, но вдруг видит целый ряд прекрасных женских лиц. Он сперва думает, что это лишь отражения существ, и, оборачиваясь назад, ищет источник этих отражений, но Беатриче говорит, что это не отражения, а святая толпа, и предлагает ему обратиться к ним с вопросом. Данте спрашивает одну из явившихся ему женщин о ее судьбе. Ему отвечает Пиккарда, сестра Форезе: она была монахиней, но так как против своей воли не вполне исполнила данный ею обет, то волей Божьей оказалась в первой сфере неба вместе с подобными же ей женщинами. На вопрос Данте о том, какой обет ими не вполне исполнен, Пиккарда говорит, что она и ближайшая к ней спутница — Констанция, дочь короля Апулии Рожера II, — обе дали обет девственности, находились уже в монастыре, но по воле родственников были взяты оттуда и насильно выданы замуж. Окончив рассказ, Пиккарда исчезает, а Данте, смотря на Беатриче, поражается ослепительным блеском ее лика.

То солнце¹ светлое, которое сначала
Мне сердце на земле огнем любви сжигало,
Поздней же к истине великой привело!

Я был уже готов сознаться в пораженье;
Желая говорить, приподнял я чело,
Но тут явилось мне чудесное виденье.
Как сквозь прозрачное и чистое стекло
Иль воды светлые черты мы видим смутно,
Подобно жемчугу на белизне чела, —
Я лица увидал, как бы сквозь грань стекла,
Готовые уста раскрыть ежеминутно
С тем, чтоб заговорить. Их видя, в первый миг
Я поддался тогда иному заблуждению,
Чем тот, кто, увидав в воде ручья свой лик,
Любовью воспылал безумной к отражению².

Я думал: предо мной — лишь отражений ряд,
И тут же обратил глаза мои назад,
Желая видеть тех, кому принадлежали
Те отражения, но изумленный взгляд
Не встретил никого. У спутницы дрожали
Улыбкой легкою небесные уста,
А взор божественный горел огнем священным,
И молвила она: «Пускай улыбка та
Тебя не удивит. В твоём несовершенном
Сужденье на пути споткнулся ты не раз,
И здесь тебя в обман невольно вводит глаз:
Не отражение — толпа святая эта.
За нарушение священного обета
Здесь волей Господа они заключены
И свыше истиной святой просвещены;
От них ты должен ждать правдивого ответа».

Тогда из душ святых я обратился к той,
Которая, со мной заговорить желая
Глядела на меня, и молвил ей, пылая
От нетерпения: «Прошу я, Дух Святой,
Изведавший в лучах блаженной жизни сладость,
Неведомую тем, кто не вкусил ее,
С судьбою имя мне поведай ты свое!»

Она со взорами, что выражали радость,
Ответила мне так: «Мы, следуя Тому,
Кто в благости Своей и высшем милосердьи
Желает видеть нас подобными Ему,
Для справедливого желанья и усердия
Прозящих доступа не закрывает дверь.
Монахиней была я в мире, и, поверь,
Хотя красою я блистаю совершенной —
Пиккарду³ ты во мне узнаешь, и теперь
Я тут. С блаженными остаюсь блаженной
Я в сфере медленной⁴ с другими наравне.
Привязанности здесь — от Духа Пресвятого,
И счастье наше — в том, что каждая готова
Свершить с восторгом все, что нам Он повелел.
И нам, исполнившим лишь не вполне и частью
Обеты данные, даровано в удел
Столь светлая судьба божественною властью!»

И молвил я: «Твои прекрасные черты
Так изменяет блеск небесной красоты,
Что медлили во мне мои воспоминанья.
Но нет ли и у вас, блаженных душ, желанья
Подняться в высоту и ближе к Богу быть,
Затем чтобы Его сильнее возлюбить?»

И, обменявшись тут улыбкою с другими,
Причем сиял огонь во взоре дивных глаз,
Как будто бы у той, что любит в первый раз, —
Она ответила словами мне такими:

«Брат, милосердья дух обуздывает в нас
Порывы тщетные к иной блаженной доле.
Стремленье в более возвышенный предел
Противоречило б Того священной воле,
Кто в сфере этой нам остаться повелел,
И с пребываньем здесь оно несовместимо.
Здесь в милосердии нам жить необходимо,
И в воле Господа — блаженство суждено,
С Чьей волей наши все сливаются в одно.
И в Царстве Божием, к Его священной сени
Все занимаем мы различные ступени:
Желанье таково и Царства, и Царя,
Чья воля служит нам законом неуклонно.
В ней — счастье и мир, в ее святое лоно
Все то, что создано, стремится, как в моря
Вливаются ручьи». И тут мне стало ясно,
Что в небе — всюду Рай, хотя и не равно
Распределяется среди блаженных властно
Первейшие из благ. Но людям не дано
Знать насыщение, и, кушанье одно
Отведав, пожелал вкусить я от другого,
И к ней с вопросами я обратился снова.
Узнать хотелось мне: какая ткань была⁵,
Которой до конца она не довела?
Она ответила: «Пред Господом блистая
Душевной чистотой, есть женщина святая⁶;
Высоко в небесах поставлена она,
И ею же была в миру возведена
Обитель некогда. Приняв обет суровый,
Готовилась я стать невестою Христовой,
Небесному вполне отдавшись Жениху,

Но люди, склонные скорее ко греху,
Чем к делу доброму, — о, страшная минута! —
Похитили⁷ меня из тихого приюта,
И знает лишь Господь, как я жила с тех пор.
Та светлая душа, которую в сиянье
Небесного огня твой созерцает взор, —
При жизни вынесла такое ж испытанье,
И сорван был покров святой с ее чела⁸,
Но, возвратившись в мир, покрыва не сняла
Она с души своей. Констанции великой
Душа перед тобой. И со вторым владыкой
Надменной Швабии в союзе родила
Она последнего в их роде властелина».

Пиккарда кончила рассказ свой, и, запев
«Ave Maria» — гимн чистейшей между дев,
Она исчезла вмиг: бездонная пучина
Так поглощает нас своею глубиной.
И, проводив ее, насколько мог, очами,
На Беатриче взор опять возвел я мой,
Но, осиянный весь небесными лучами,
Столь ослепителен ее казался лик,
Что на мгновение мой онемел язык.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Пораженный видом Беатриче, Данте молчит, но по его лицу Беатриче догадывается о двух беспокоящих его вопросах: о пребывании блаженных в Раю и о том, может ли уменьшиться чья-либо заслуга в том случае, если ему пришлось уступить насилию? На первый вопрос Беатриче дает подробное разъяснение, критикуя учение Платона, а на второй отвечает соображением о том, что если душа бездействует в момент совершения над ней насилия, то она все-таки несколько виновна, так как нельзя совершенно покорить волю человека. Выслушав Беатриче, Данте говорит, что не в силах отблагодарить ее за разъяснения, но вместе с тем предлагает ей еще третий вопрос: возможно ли, изменив обету, искупить этот проступок благими делами?

Когда бы — избирать одно из них свободный —
Два вкусных кушанья увидел вдруг голодный,
Не прикоснувшись к ним, он умер бы скорей.
Ягненок будет цел меж хищных двух зверей,

И пес не двинется при виде пары ланей.
И если я молчал — хвалы и порицанья
Я тем не заслужил, сомненьями томим.

Хранил молчанье я, но всем лицом своим
Я выдавал мое желание наглядно.
И, угадав вопрос, как древле Даниил,
Который гнев царя¹ искусно отвратил,
Готового казнить невинных беспощадно,
Так молвила в ответ Небесная Жена:
«Два рассуждения влекут тебя невольной,
И в слове мысль твоя излиться не вольна;
Ты рассуждаешь так: «Когда непроизвольно
Пришлось мне уступить насилию — цена
Заслуги собственной ужель уменьшена?»
Одно сомнение еще тебя смутило:
Платона мысль² о том, что души на светилах
Возносятся опять. Но из вопросов двух,
Которые собой гнетут жестоко дух,
Сперва отвечу я на более опасный.
Сам наиболее могучий и прекрасный
Из серафимов всех, ближайший к Богу Сил,
С ним — Иоанна два³, а также Самуил,
И Моисей пророк, и Дева Пресвятая —
С толпою виденных тобою здесь теней
На тех же небесах находятся, витая,
И срок блаженства их — нимало не длинной.
Но первый круг они украсили, блистая,
И степень счастья их зависит от того,
Поскольку в них живет и дышит Божество.
И здесь перед собой толпу ты видел эту
Перенесенную на низшую планету
Не потому, что им здесь пребывать должно,
Но только оттого, что место суждено
Им в небе низшее. Людское пониманье
В посредничестве чувств нуждается всегда.
К подобной слабости снисходит и Писанье;
Так, Господу оно дарует иногда
Вид человеческий, хотя совсем иное
Здесь разуметь должно Писание Святое.
И церковь смертных же приписывает вид
Святым архангелам Господним: Михаилу

И Гавриилу с ним, а также Рафаилу,
Которым был веден в пути его Товит.
К тому, что видишь тут, — суждение Тимея⁴
Едва ль относится, значенья не имея.
Он думал, что душе отчизною звезда
Служила некогда и, форму покидая
Телесную, она возносится туда.
Быть может, мысль его была совсем иная,
Но недостаточно в словах его ясна,
И незаслуженно осмеяна она.
Когда он полагал: хвала иль осужденье
Влиянья высшего возносятся сюда —
Быть может, лук его в известном направленьи
Коснулся истины, но это положенье,
Неверно понято, Юпитеру тогда,
И Марсу, и другим родило поклоненье.
Второй вопрос⁵, тебя волнующий собой,
Опасен менее: разъединить с тобой
Меня не может он. Исходит лишь из веры,
А не из ереси, то убежденье в вас,
Что в справедливости высокой мы подчас
Несправедливыми бываем свыше меры;
Доступна истина для вашего ума:
Я поясню ее. Когда, терпя насилье,
Душа, хотя она бездействует сама
И помогать ему не делает усилья,
Вполне оправдана не может все же быть.
Подуйте на огонь — он ярче запыляет.
Когда она сама того не пожелает —
Нельзя насильственно в нас волю затушить.
Но покоряется порою воля силе,
И так вот именно те души поступили,
Хотя возможен был возврат в приют святой.
А если б воля их была подобна той,
Какой прикован был к решетке раскаленной
Лаврентий⁶ мученик, и Муций⁷ вдохновлен,
Который, волею своею закален,
Пожертвовал рукой, жестоко опаленной;
Когда бы воля в них подобною была,
То к возвращению на прежнюю дорогу
Она, конечно бы, решимость им дала.

Сомненья твоего рассеяла тревогу
Моею речью я, но собственным умом
Не разберешься ты в сомнении другом.
Тебе сказала я, и это — непреложно,
Что праведнику лгать бывает невозможно,
Но от Пиккарды здесь услышал ты о том,
Что и впоследствии, когда уж изменила
Обету своему, в сердечной глубине
Констанция любовь к монашеству хранила.
Наружно те слова противоречат мне.
Но, брат мой, избежать стараясь худшей доли,
Порой мы делаем дурное против воли,
Так, посланный отцом, боясь преступным стать,
Когда-то Алкмеон⁸ убил родную мать.
Размысли вот о чем: когда вполне согласны
В нас воля с силою — то были бы напрасны
Попытки всякий раз проступок оправдать.
Та воля, что у нас зовется безусловной,
Не помогает злу, но все-таки она,
Поскольку кажется опасность ей страшна,
Является к нему причастной и виновной.
К ней исключительно относятся слова
Пиккарды праведной, меж тем как разумею
Я волю высшую, итак, она права,
Вернее говоря: мы обе правы с нею».

Так, утолив собой желания мои,
Катились ручейка священного струи,
Берущего свое начало из потока
Великой истины. Взволнованный глубоко,
Воскликнул я: «О ты, избранница любви
Первейшего из всех возлюбленных! Мадонна,
Дарящая меня беседой благосклонно,
Которая во мне зажгла священный пыл.
Нет, недостаточна моя любовь земная,
Чтоб я за милости достойно отплатил!
Пусть Тот⁹, Кто Всемогущ, все ведая и зная,
Отплатит за меня с великой добротой.
Рассудку нашему вне истины святой —
Нет насыщения. Как зверь в своей берлоге,
В ней отдыхает он, иначе на пороге
Желанья тщетного пришлось бы ждать ему.

Но часто у корней той истины священной
Растет сомнение и с силой неизменной
Влечет к вершине нас и от холма — к холму.
И это придает, мадонна, мне отвагу
Спросить об истине, неясной для меня:
Возможно ль, своему обету изменя,
Проступок искупить направленными к благу
Делами добрыми?» Полны такой любви
Тут очи подняла сиявшие свои
Избранница небес, что взор мой ослепленный
Я опустил пред ней и замер, побежденный.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Объясняя поставленный Данте вопрос: возможно ли исправить нарушение обета (т. е. совершенное этим недоброе дело) добрыми делами, Беатриче говорит, что Господь наградил человека величайшим даром — свободой воли. Когда человек дает обет, то он соглашается принести в жертву свободу своей воли и обязан исполнить его, но эту жертву он приносит добровольно. Если он не может исполнить данный обет, то должен предмет этого обета заменить новым, не только равнозначным, но даже более ценным. Однако эта замена может быть совершена только с разрешения церкви, так как она одна обладает властью связывать или разрешать. Закончив увещанием строго исполнять обеты, Беатриче, горя желанием подняться в эмпирию, подымает свой взор и вместе с Данте возносится во вторую небесную сферу — на планету Меркурий. Здесь Данте видит толпу светлых радостных душ, приветливо встречающих его. Беатриче дает поэту разрешение расспрашивать эти души об их судьбе, на что и сами души вполне соглашаются. Данте обращается к одной из них, и та, скрывшись в сиянии, приступает к рассказу, который Данте обещает сообщить в следующей песне.

Когда в лучах любви, чья сила превосходит
Все то, что на земле дано увидеть вам,
Предстану я твоим смутившимся очам,
О, не дивись тому! Ведь это происходит
От совершеннейшего зренья: на лету
Мы схватываем все. Теперь я вижу ясно
В сознании твоём святую искру ту,
Которая собой воспламенила властно
Бессмертную любовь. Когда порою свет

Иной пленяет вас, то блеск его — не боле
Как ложно понятый любви небесной след.
Итак, ты хочешь знать: ужели в нашей воле
Благими искупить недобрые дела
И тем избавиться от вечных угрызений?»

Так Беатриче песнь святую начала:
Не прерывая нить премудрых поучений,
Она промолвила: «Из всех Его щедрот,
Которыми Господь людской осыпал род,
Свобода воли — дар всех более ценимый
И только к существам разумным применимый.
Итак, ты видишь сам: когда обет таков,
Что Бог от смертного принять его готов,
Как велика цена подобному обету!
В союзе меж тобой и Господом Самим
Ты волей жертвуешь — сокровищем твоим
И добровольно ты приносишь жертву эту.
Чем заменить ее — не в этом ли вопрос?
И то, что в жертву ты Всевышнему принес.
Вторично жертвовать — не все равно ли это,
Что выгоду извлечь из ценного предмета,
Приобретенного неправильным путем¹?
Вот суть. Она — ясна. Но, так как алтарем
Дается иногда от клятвы разрешенье
(Что может поселить в душе твоей сомненье,
С моею истиной как бы идя вразрез), —
Насытись пищею, ниспосланной с небес,
Помедли за столом и напряги вниманье,
Затем, что без него немислимо познание.
Для жертвы нам нужны: во-первых — тот предмет,
Который жертвуют, а во-вторых — обет.
Изгладить, вычеркнуть — ничто не в состоянье
Обета данного. Относятся к нему
Вполне слова мои. Евреи потому
Так свято жертвенный обычай соблюдали,
Хотя, со временем, иными жертвы стали
На алтаре Творца. Когда из них одну
Возможно заменить другою, равносильной, —
Замена Господом не ставится в вину.
Но сколько б ни была нам ноша непосильной,
Но ради истины священной и добра,
Без помощи ключей из злата и сребра²,

Не может быть людьми совершена замена
По произволу их. Другой заменена —
Ей жертва новая должна быть равноценна
И в ней, как дважды два — в шести³, заключена,
Равняясь весом ей; иначе невозможно
Замену совершить подобную. Пускай
Обеты все блюдут, но пусть неосторожно
Никто их не дает, как сделал Иеффай⁴.
Он лучше бы сказал: «Я поступил безумно!» —
Чем дурно поступить, обет свой соблюдая.
Таков проступок был и эллинов вождя⁵,
Дочь осудившего на гибель неразумно.
От первых мудрецов до жалкого глупца —
Все Ифигению оплакали заране,
Не осушавшую прекрасного лица.
И в ваших действиях не будьте, христиане,
Преступной легкостью подобны иногда
Перу летящему. От данного обета
Омыть способна вас не всякая вода.
Даны вам пастыри и два Святых Завета
В руководители. Подобием зверей
Не становитесь вы, достоинство людское
Старайтесь сохранять, когда влечет дурное
Желанье в сторону, дабы не мог еврей,
Меж вами будучи, над вами посмеяться.
Ягнтям, что бегут от матери своей
На воле поиграть, нельзя уподобляться».

Такою суть была мной слышанных речей.
Тут Беатриче взор божественных очей
Безмолвно подняла, исполненный желанья,
К стране, где ярче свет струился от лучей.
И взор, и вид ее внушали мне молчанье,
И замерли в устах расспросы и слова.
Но так же, как стрела, достигнувшая цели,
Пока еще дрожит на луке тетива,
Мы к царству высшему — второму — возлетели⁶.
Владычица моя явилась мне тогда
Столь лучезарною, что самая звезда
Светлее сделалась; но если озарилась⁷
Улыбкою она, то что же совершилось
Со мною в этот миг! И так, как иногда,
Всплывая над водой, из светлого пруда

Спешат за пищею к нам рыбки золотые, —
Так души⁸ сотнями спешили к нам святые
В сиянье радости и светлой их красе,
И, нас приветствуя, так восклицали все:
«Любовь сильнейшую вот кто несет с собою!»
Когда же к нам они приблизились гурьбою,
Сияние вокруг их ясного чела
Открыло мне собой, как велика была
Та радость, что в удел им даровал Создатель.

Когда бы мой рассказ я здесь прервал, читатель,
То пожелал бы знать, что будет впереди?
И, в очередь свою, поэтому суди,
Как я исполнен был тревогою пытливой
И о судьбе тех душ стремился я узнать.

«О смертный! Под звездой ты родился счастливой.
Тебе дарована от Бога благодать
Престол Всевышнего во славе увидеть.
Мы все озарены идущим свыше светом,
И если хочешь знать о нашей ты судьбе,
То истину открыть готовы мы тебе». —
Так молвила одна из светлых душ с приветом.
И Беатриче тут добавила, ко мне
Внезапно обратясь: «Расспрашивай! Вполне
Ты можешь доверять правдивым их ответам».

«Тебя я вижу здесь окутанной в струи
Сиянья твоего; через глаза твои
Распространяется оно, сильней блистая
В улыбке кротких уст. Но как, душа святая,
Звалась и в сфере ты витаешь отчего,
Которую своим сиянием затмило
Другое, более блестящее, светило⁹, —
О том не знаю я, дух светлый, ничего!» —
Так я душе святой в волнении ответил,
И вдвое лик ее мне показался светел.

Как солнце в знойный день, когда его лучи
Бывают иногда чрезмерно горячи
И влажные пары томительной жарою
Уничтожаются — скрывается порою
В лучах сияние, так и прекрасный лик
В сиянье собственном укрылся в тот же миг.
И, скрытый, молвил то, что в песне я открою.

СОДЕРЖАНИЕ

АД

<i>Песнь первая</i>	7
<i>Песнь вторая</i>	11
<i>Песнь третья</i>	15
<i>Песнь четвертая</i>	19
<i>Песнь пятая</i>	23
<i>Песнь шестая</i>	27
<i>Песнь седьмая</i>	29
<i>Песнь восьмая</i>	33
<i>Песнь девятая</i>	36
<i>Песнь десятая</i>	39
<i>Песнь одиннадцатая</i>	43
<i>Песнь двенадцатая</i>	46
<i>Песнь тринадцатая</i>	50
<i>Песнь четырнадцатая</i>	54
<i>Песнь пятнадцатая</i>	57
<i>Песнь шестнадцатая</i>	60
<i>Песнь семнадцатая</i>	64
<i>Песнь восемнадцатая</i>	67
<i>Песнь девятнадцатая</i>	71
<i>Песнь двадцатая</i>	75
<i>Песнь двадцать первая</i>	78
<i>Песнь двадцать вторая</i>	82
<i>Песнь двадцать третья</i>	85
<i>Песнь двадцать четвертая</i>	89
<i>Песнь двадцать пятая</i>	92
<i>Песнь двадцать шестая</i>	96
<i>Песнь двадцать седьмая</i>	99
<i>Песнь двадцать восьмая</i>	103
<i>Песнь двадцать девятая</i>	106
<i>Песнь тридцатая</i>	109
<i>Песнь тридцать первая</i>	113

<i>Песнь тридцать вторая.</i>	116
<i>Песнь тридцать третья</i>	120
<i>Песнь тридцать четвертая.</i>	125

ЧИСТИЛИЩЕ

<i>Песнь первая</i>	131
<i>Песнь вторая</i>	135
<i>Песнь третья</i>	138
<i>Песнь четвертая</i>	142
<i>Песнь пятая</i>	146
<i>Песнь шестая</i>	150
<i>Песнь седьмая</i>	154
<i>Песнь восьмая</i>	158
<i>Песнь девятая</i>	162
<i>Песнь десятая</i>	166
<i>Песнь одиннадцатая</i>	169
<i>Песнь двенадцатая</i>	173
<i>Песнь тринадцатая</i>	177
<i>Песнь четырнадцатая</i>	181
<i>Песнь пятнадцатая</i>	185
<i>Песнь шестнадцатая</i>	189
<i>Песнь семнадцатая</i>	193
<i>Песнь восемнадцатая</i>	197
<i>Песнь девятнадцатая</i>	201
<i>Песнь двадцатая</i>	206
<i>Песнь двадцать первая</i>	210
<i>Песнь двадцать вторая</i>	213
<i>Песнь двадцать третья.</i>	218
<i>Песнь двадцать четвертая</i>	221
<i>Песнь двадцать пятая</i>	225
<i>Песнь двадцать шестая.</i>	229
<i>Песнь двадцать седьмая.</i>	233
<i>Песнь двадцать восьмая.</i>	237
<i>Песнь двадцать девятая</i>	241
<i>Песнь тридцатая</i>	245
<i>Песнь тридцать первая</i>	250
<i>Песнь тридцать вторая.</i>	254
<i>Песнь тридцать третья</i>	259

РАЙ

<i>Песнь первая</i>	265
<i>Песнь вторая</i>	269
<i>Песнь третья</i>	273
<i>Песнь четвертая</i>	276

<i>Песнь пятая</i>	280
<i>Песнь шестая</i>	284
<i>Песнь седьмая</i>	288
<i>Песнь восьмая</i>	291
<i>Песнь девятая</i>	295
<i>Песнь десятая</i>	299
<i>Песнь одиннадцатая</i>	303
<i>Песнь двенадцатая</i>	306
<i>Песнь тринадцатая</i>	310
<i>Песнь четырнадцатая</i>	314
<i>Песнь пятнадцатая</i>	318
<i>Песнь шестнадцатая</i>	322
<i>Песнь семнадцатая</i>	326
<i>Песнь восемнадцатая</i>	329
<i>Песнь девятнадцатая</i>	333
<i>Песнь двадцатая</i>	337
<i>Песнь двадцать первая</i>	341
<i>Песнь двадцать вторая</i>	345
<i>Песнь двадцать третья</i>	349
<i>Песнь двадцать четвертая</i>	353
<i>Песнь двадцать пятая</i>	357
<i>Песнь двадцать шестая</i>	361
<i>Песнь двадцать седьмая</i>	365
<i>Песнь двадцать восьмая</i>	369
<i>Песнь двадцать девятая</i>	373
<i>Песнь тридцатая</i>	376
<i>Песнь тридцать первая</i>	381
<i>Песнь тридцать вторая</i>	384
<i>Песнь тридцать третья</i>	389
Примечания	394